

Винил и Октавия. Университетские дни. Эпилог

Шесть месяцев спустя...

На территории Западного Мэйнхеттенского Университета царила радость, если не сказать больше. Теперь, когда снег растаял, на улице было гораздо больше пони, наслаждающихся пейзажами. Выпускные экзамены за предыдущий семестр наконец закончились, и многие студенты праздновали свою свободу. От первокурсников до выпускников - все были благодарны за перерыв в своей академической жизни.

Было начало нового года, и посмелевшие второкурсники посмеивались над картами местности в копытах новичков-первогодок, иногда снисходя до того, чтобы подсказать им дорогу. Все второкурсники, за исключением двоих.

Первой была кобылка с бледно-пепельной шерсткой и темной перепачканной гривой. У нее были мешки под глазами, но улыбка ясно давала понять, что она совсем не измучена. На ней была надета розовая бабочка, а вокруг копыта яркий сине-белый VIP-браслет. Для случайного взгляда она могла показаться обычной студенткой возвращающейся после ночного клуба, хотя каждый ее шаг был уверенным и точным; и невооруженным глазом было видно, что она гораздо, гораздо взрослее и умнее большинства пони, окружавших ее.

Не то что бы она вела себя тщеславно: напротив, она была тепла и дружелюбна ко всем, кто решался заговорить с ней. Она шутила со студентами и давала брохуф любому, кто носил браслет с выступлений. Год назад большинство побоялось бы даже приблизиться к ней.

Ее звали Октавия, она была виолончелисткой, изучавшей продвинутую теорию музыки (классической), управление бизнесом, и, как ни странно, расширенную психологию.

Второй была белая единорожка с зализанной, тщательно расчесанной неоновой-синей гривой. На ее голове покоились очки с темно-фиолетовыми стеклами, оставляя ее великолепные алые глаза открытыми. Она обеспокоенно вышагивала, каждые несколько секунд порываясь поднять копыто, чтобы привести волосы в привычный беспорядок, и только самоконтроль ограничивал ее. Как бы то ни было, она была окружена ореолом славы. Некоторые студенты перешептывались при виде нее, в то время как другие начинали открыто поддерживать.

Нельзя было сказать, что она этого не заслуживает: напротив, она была ответственна за большинство вечеринок, проходивших после экзаменов, и завоевала сердца студентов благодаря упорному труду и экспериментальной музыке. Она была счастлива дать брохув всем, кто подходил поблагодарить ее за возможность отвлечься от ужасов университета. Даже преподаватели любили ее за помощь студентам в снятии стресса перед началом занятий в течение последних нескольких месяцев. Хотя год тому назад большинство считали ее присутствие в университете случайностью.

Ее звали Винил Скретч, она была диджеем, изучающим второй курс продвинутой музыкальной теории (современной), продвинутое рисование, и, как ни странно, расширенную психологию.

Пара обнялась при встрече на травянистой поляне в центре университетского парка. Когда они разомкнули объятия, Октавия не могла унять смех над гривой своей возлюбленной. Винил покраснела:

– Я думала, что ты хотела бы этого! Я имею в виду, это ведь триумфальное возвращение, в конце концов. Это важный момент!

– О, Винил. Ты уже должна знать, что я больше люблю твою беспорядочную гриву, – упрекнула Октавия, мягко ткнув Винил в нос.

– Теперь ты скажи мне, – проворчала она, яростно портя свою прическу, пока она не вернется в свое естественное состояние. – Как тебе вечеринка прошлой ночью?

– Это было удивительно: мне кажется, что я только что оттуда.

Присматриваясь к растрепанной гриве Октавии, Винил ухмыльнулась:

– Ты выглядишь именно так.

– О, замолчи. Я спала всего несколько часов, и я была слишком взволнована, чтобы сидеть и укладывать ее как обычно. Кстати, – Октавия хитро подняла бровь. – Ты переработала еще одну мою композицию для финальной песни?

Винил невинно засвистела.

– Я так и знала! Как тебе это удастся? Толпа была в восторге! – Октавия, охваченная возбуждением, на мгновение затанцевала на кончиках копыт.

– Я думаю, это от того, что я работаю с тем, что создала ты. Я слышу не просто музыку, я слышу тебя саму и все, что ты пытаешься сказать своей музыкой, и по своему это перевожу, – Винил заметно покраснела, но продолжила. – Ты должна останавливать меня прежде, чем я попытаюсь сказать что-то романтическое. Я несу глупости.

Октавия быстро поцеловала ее:

– Очень милые глупости.

Они шли вместе по мягкой траве:

– Это был сумасшедший год, да? – сказала Винил.

– Действительно. Не могу поверить во все эти перемены, – Октавия покачала головой, улыбаясь воспоминаниям. За последние несколько месяцев она видела, как становится ближе к своим друзьям, чем когда-либо, и чувствовала себя более любимой, чем за все девятнадцать лет.

– В ближайшее время перемен только добавится. Мы снова будем жить вместе, я получила несколько безумных приглашений на концерты – да, приглашения! Они действительно приглашают меня, разве это не круто?! – а Лира и Бон Бон говорят об открытии других магазинов в других городах.

– О, я знаю! Только представь: магазины в Кантерлоте, Троттингеме или Понивиле! Я не думаю, что буду работать меньше в ближайшее время

– Ага-а... – медленно произнесла Винил.

Октавия остановилась и нахмурилась:

– Что не так?

– Ничего, пока ничего. Я просто... Я думаю, работать с Бон и Лирой - это здорово, пока мы учимся, и я люблю их, но в один прекрасный день... Я вроде как надеюсь, что мы займемся чем-то своим. Знаешь, начнем “благозвучную революцию”, о которой мы говорили.

– Обязательно, – сказала Октавия, касаясь щеки Винил. – Но сейчас давай просто сосредоточимся на выживании в университете, хорошо?

– Договорились, – через некоторое время Винил произнесла, понизив голос. – Никаких новостей от сама-знаешь-кого?

– Только сообщение сегодня утром. Вот, – Октавия достала телефон из гривы и передала его Винил.

{[Мама]}

≥ Я слышала, ты снова поступила. Если ты пересмотришь свои жизненные решения, у тебя есть мой номер.

– Ну, можно сказать, что она что-то чувствует к тебе, да? – сказала Винил, но Октавия не выглядела обнадеженной.

– Она, наверное, видит во мне только впустую потраченное вложение.

– Или она просто слишком высокомерная, чтобы признать, что соскучилась по тебе.

Октавия благодарно улыбнулась:

– Все в порядке, Винил. Я не грущу по этому поводу. Она дала мне все возможности, на которые я могла бы надеяться. Даже если это не входило в ее планы, она – причина, по которой мы встретились. Но это не меняет моего отношения к ней. Может быть... может быть через несколько лет, если ей удастся, наконец, уйти от своего прошлого, мы могли бы начать все сначала. Но до тех пор...

– Хорошо, хорошо. Просто меня беспокоит, что ты не можешь быть вместе со своей семьей, в то время как моя была довольно крутой, пока они не выгнали меня.

– Да, насчет твоих родителей... – глаза Октавии блеснули.

– Что? – осторожно ответила Винил.

– Я думаю, самое время мне с ними познакомиться, не так ли?

Конец